

УДК 821.161.1

DOI: 10.34670/AR.2021.74.38.015

Образ города Токио в рассказах В. Сорокина «Рев Годзиллы и крик Пикачу» и «Снеговик» (в поисках счастья)

Рудакова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Зайцева Татьяна Борисовна

Доктор филологических наук,
доцент кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: tbz@list.ru

Жавнерович Мария Сергеевна

Студент,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: zhavnerovich2000@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект № 20-512-23007 «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.».

Аннотация

Цель нашего исследования в рамках данной статьи – изучение основных особенностей представления образа города Токио в рассказах В. Сорокина «Рев Годзиллы и крик Пикачу» и «Снеговик» и вопроса о том, возможно ли найти в этом пространстве счастье. В работе анализируется символика названий рассказов. В представлении Токио Сорокин прихотливо соединяет субъективное и объективное. Он знакомит со множеством деталей японского быта, социальной жизни Токио, приметамы японского национального характера, вводит в повествование свои оценки, способствующие формированию реально-мистического образа города, в котором ощущаются и присутствие, и неуловимость счастья. В рассказе «Снеговик» выявляются жизненная драма и духовное прозрение русского писателя в Токио, в городе, увлекшем героя и заставившем оставить свою страну, увлечься чужой культурой, а с другой стороны, давшем толчок для самопознания, открывшем путь к себе, к счастью и позволившем понять свою национальную идентичность и надмирную человечность.

Для цитирования в научных исследованиях

Рудакова С.В., Зайцева Т.Б., Жавнерович М.С. Образ города Токио в рассказах В. Сорокина «Рев Годзиллы и крик Пикачу» и «Снеговик» (в поисках счастья) // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2021.74.38.015

Ключевые слова

В. Сорокин, рассказ «Рев Годзиллы и крик Пикачу», рассказ «Снеговик», образ города, образ Токио, поиски счастья.

Введение

Мы живем в период глобализации, когда, с одной стороны, стираются границы, пространство перестает быть непреодолимой проблемой, а с другой – все более возрастает значимость городов как средоточия особой жизни. Именно с городом оказываются связаны многие явления массовой культуры, кроме того, именно в городе ярче всего проявляются специфические черты определенной самобытности – национальной, региональной. О метафизике и мифопоэтике города как особого пространства размышляли в своих исследованиях Н.П. Анциферов, М.Л. Бедрикова, Г.В. Горнова, Ю.М. Лотман, Ю.В. Малыгина, В.Н. Топоров, В.В. Федоров и др.¹ Образ города в течение несколько веков бытования в культуре стал восприниматься как особый топос, обладающий своею душой. Город мыслится и как своего рода социальный организм, наделенный особыми свойствами. О них, в частности, пишет Ю.В. Манн, подчеркивая, что город – это «соединяемость, объединенность всех при разъединении и изолированности семей или лиц... перемещение с одного этажа на другой как эмблема успехов, удач, трагедий – словом, всей жизни» [Манн, 2007, 495]. Город – это мир парадоксов, один из которых заключается в том, что город – это пространство предельной концентрации людей, но при этом каждый здесь ощущает свое одиночество, о чем Тельман², а вслед за ним и Манн размышляют в своих работах: «Город – знак коммуникабельности и отчуждения вместе» [Манн, 2007, 495]. Пространство города изображается по-разному, и речь идет не только о географии и архитектуре, имеется в виду и угол зрения: это может быть взгляд по вертикали (с высоты «птичьего полета»), а может быть и по горизонтали («панорамный вид»).

Основная часть

В русской культуре сложилась определенная традиция в представлении городов, выделяются петербургский, московский и другие тексты. Если говорить о городах заграничных,

¹ См., например: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922; Бедрикова М.Л. Специфика изображения художественного пространства в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина («Хлыновск», «Пространство Эвклида») // Libri magistri. 2019. № 1. С. 62-70; Горнова Г.В. Феномен города в духовном мире человека. Омск: ОмГТУ, 2005; Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. Вып. 664. С. 30-45; Малыгина Ю.В. Образ города в языке русской классической литературы // Челябинский гуманитарий. 2016. № 1. С. 30-33; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс, 1995. С. 259-367; Федоров В.В. Символическое бытие архитектурных пространств. Тверь: ТвГТУ, 1998.

² Thälmann M. Romantiker entdecken die Stadt. München: Nymphenburger, 1965. 145 p.

изображенных в литературе, то самыми популярными будут европейские столицы Париж и Лондон.

Что касается Японии и ее городов, даже если мы говорим о столице этой страны, этот мир по-прежнему для широкого круга читателей остается малознакомым. Хотя еще в 1818 г. была опубликована книга В.М. Головнина «Записки о приключениях в плену у японцев»³. В середине 1850-х гг. была напечатана книга очерков «Фрегат “Паллада”»⁴ И.А. Гончарова, в ней автор коснулся вопросов специфики и другой национальной культуры, представив в том числе и реалии Японии. Во второй половине XIX в. с какой-то стенографической точностью описал мир Японии в своих путевых заметках «В дальних водах и странах»⁵ В.В. Крестовский. В конце 1920-х гг. появился документально-автобиографический очерк «Корни японского солнца»⁶ Б.А. Пильняка, созданный на основе впечатлений от поездки в 1926 г. в Японию. Во второй половине XX в. мир Японии для русского читателя представил В.В. Овчинников в своем произведении «Ветка сакуры»⁷, желая познакомить читателей с иной культурой, иными традициями, иной экономической моделью.

В творчестве современного писателя-постмодерниста В. Сорокина образ города также занимает важное место. Вслед за своими предшественниками этот автор проявляет интерес к Японии, концентрируя основное свое внимание на ее столице. Обусловлено это не только желанием писателя вступить в диалог с предшествующей традицией, но и автобиографическими фактами, в частности тем, что он, уехав из России, некоторое время жил в Японии и даже преподавал японским студентам русский язык и литературу в университете Токио [Владимир Сорокин..., www]. Но следует подчеркнуть, что мир города, в отличие от классической русской традиции, у Сорокина представлен по-другому. Герои Сорокина, как и город, им описанный, не «реальные», их изображения обусловлены спецификой художественного пространства (топоса), а также законами эстетики.

В «Реке Годзиллы и крике Пикачу» и «Снеговике» В. Сорокина мы рассмотрим образ города Токио, представленный автором как центр Японии, где ярко проявляются национальные, социальные, культурные и ментальные особенности этого мира, выясним, могут ли герои Сорокина найти в этом городе счастье, вопрос о котором в мировой культуре звучит все острее [Петров, 2020; Рудакова, 2020; Рудакова, Регеци, 2020; Татаркевич, 1981; Цуркан, 2020].

Выбирая название своего очерка «Рев Годзиллы и крик Пикачу», В. Сорокин делает акцент не на истории, не на архитектуре Японии, не на традиционных знаковых образах, символически связанных с Японией⁸, которые ученые, исследующие культуру этой страны, вовлекают в свои работы. Это, например, ветка сакуры, гора Фудзияма, хризантема, самураи и т. д. Сорокин обращается к вымышленным персонажам, появившимся в искусстве Японии во второй

³ См.: Головнин В.М. Записки о приключениях в плену у японцев. М.: Захаров, 2004; Козлов С.А. Записки В.М. Головнина и формирование образа Японии в русской периодике и литературе XVIII – начала XIX в. // Меншиковские чтения. 2012. № 3. С. 147-154.

⁴ См.: Анисимова Е.А., Зайцева Т.Б. Культура общения японцев в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Сборник материалов V Международной молодежной научно-практической конференции «Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха». Магнитогорск, 2019. С. 243-246; Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Волгоград, 1986. 608 с.

⁵ См.: Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Центрполиграф, 2002. 684 с.

⁶ См.: Пильняк Б.А. Корни японского солнца. Ленинград: Прибой, 1927. 186 с.

⁷ См.: Овчинников В.В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1988. 219 с.

⁸ См. подробнее: Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2004. 360 с.

половине XX в. Это Годзилла – герой японских комиксов, мультфильмов и кинофильмов начиная с 1954 г. (когда вышел одноименный фильм режиссера Исиро Хонда), вымышленный доисторический гигантский ящер-самец, пробудившийся ото сна и вышедший из анабиоза после испытаний водородной бомбы и мутировавший из-за этого. Рост персонажа (по разным источникам) составляет от 50 до 318 метров. И Пикачу – также придуманный 1996 г. дизайнером Ацуко Нашиде персонаж для серии игр, аниме, манги «Покемон». Это небольшой покемон, который считается мышью, чей рост – всего 40 см, а тело покрыто коротким желтым мехом.

В названии рассказа в самом соотношении героев Сорокин акцентирует внимание на их явной полярности и одновременно внутренней взаимосвязи. Они вымышленные, но странным образом связаны с миром реальной природы; они – порождение и символы современной японской поп-культуры, но связаны с чем-то древним. Кроме того, в самом их представлении в заглавии рассказа Сорокин намекает на некую диалоговость: понятия «рев» и «крик» свидетельствуют не столько о выражении какой-то мощной неконтролируемой эмоции, сколько об острой потребности вступить в диалог, обратить на себя внимание. Но оба персонажа – Годзилла и Пикачу – указывают и на иное: очерк будет не о городе реальном, а об образе города, сформированном в особой эстетической реальности, на которую наложили отпечаток история и современность реального Токио, подвергнутые авторскому осмыслению.

Но Годзилла и Пикачу прежде всего противопоставлены друг другу. В тексте прием антитезы активно используется писателем при описании города, с которым связаны эти герои. Так, автор противопоставляет дневной Токио ночному, который, по его мнению, совсем другой: «С другими запахами и красками. Яркий, шумный, комфортно-бурлящий. Он требует не созерцания, но присутствия» [Сорокин, Рев..., www]. Примечательно, что повествователь сначала смотрит на столицу Японии сверху вниз, замечая, что «с высоты птичьего (вертолетного) полета Токио похож на Нью-Йорк после не очень успешной атомной бомбардировки» [Там же], а затем, спускаясь на лифте с Токийской телебашни, он начинает ходить по улицам города и разглядывать его. Описывая Токио, Сорокин не только создает визуально точные характеристики этого реального города, но и вводит в описание детали, намекающие на то, что в мире этого города как будто бы нет места счастью: «...в гомогенной массе пеньков снесенных небоскребов торчат уцелевшие стоэтажные башни-одиночки. Они стоят неуверенными великанами. Бетонно требуют сочувствия» [Там же].

Особое внимание в рассказе писатель уделяет образу токийской толпы. Сорокин отмечает ее «патологическую неагрессивность» [Там же]. Задумываясь над ее феноменом, автор в одном из своих интервью высказывает такое предположение: «Люди неагрессивны, хотя они очень устают на работе и мало спят дома. И это удивляет и восхищает меня, что человек в любом положении делает над собой усилие, бормочет: “Извините!”, – если кого-то невольно заденет» [Владимир Сорокин..., www]. Такое качество во многом соответствует японскому национальному характеру. Для этого этноса характерны такие черты, как стремление к гармонии и душевному равновесию, созерцательное отношение к миру, человеколюбие, неконфликтность. Одно из ключевых понятий, связанных с японской ментальностью, – «和» / «Wa» / «Wa» («гармония, мир, согласие»). Японцы одержимы поиском гармонии, поэтому понятие гармонии пронизывает всю японскую культуру, оказываясь связано со всеми сферами жизни – от быта и межличностных отношений до политики и экономики. Для японцев категория «Wa» имеет особое значение еще с древних времен. Так, известно, что Сетоку, государственный деятель (574-622 гг.), в первом японском юридическом документе объявил в стране культ

гармонии [Груздева, 2016]. Именно поэтому Сорокин противопоставляет токийскую толпу на улицах европейцам, чувствующим себя неловко и неудобно: «У каждого европейца с ней [толпой] свои отношения... Вид европейцев на токийских улицах вызывает жалость» [Сорокин, Рев..., www]. Уже это описание заставляет понять, насколько эти культуры разные – европейская и японская.

Представляя образ Токио, автор обращает внимание читателя на сферу, связанную с едой. Она вызывает нескрываемый восторг, заставляющий понять, что состояние счастья оказывается реально достижимо в этом городе: «А еда в Токио – песня без слов» [Там же]. И читатель начинает осознать, что еда является неотъемлемым элементом жизни, с нею связаны самые разнообразные вкусы, образы, удовольствия, дарящие радость человеку. Названия изысканных европейских блюд вызывают у повествователя совсем не позитивную реакцию – проявляется понимание неуместности такой еды в Токио: «Есть лазанью или фуа гра в Токио – скуш-ш-ш-ш-шно, господи!» [Там же]. Вслед за этим описывается удивительный мир японской кухни: гречневая лапша, суши, сашими из тунца, онигири, тацута-агэ, якитори, тофу. Представляя рестораны, кайтен-суши, где можно насладиться национальными блюдами, повествователь передает нескрываемое удовольствие от погружения в эту сферу жизни: «Можно двинуть в ресторан, где вам предоставится возможность самим готовить себе еду в кипящем котле... Возможно, протолкнуться на свободное место в кайтен-суши... А еще лучше – просто пойти в народное место, где расслабляются служащие. Там будет шумно и вкусно» [Там же]. Но в этом, казалось бы, полном удовольствия и счастья пространстве вновь заявляет о себе иное настроение – повествователь ощущает то, что не каждый может испытать это наслаждение и вкусить удовольствие в полной мере (и речь будет идти уже не о национальных различиях): «...праздник удался. Если, конечно, есть с кем разделить его...» [Там же]. Сорокин намекает на одну из важных проблем, становящихся в Токио препятствием на пути к счастью, – это одиночество человека среди людей. Повествователь концентрирует наше внимание на некоем конкретно-неопределенном японском чиновнике. Еще вечером он наслаждался едой и выпивкой, испытывал безусловное счастье, а ночью вынужден вернуться домой и рухнуть на татами, не способный приобщить жену к своему состоянию и разделить с ней радость, переключая на нее заботы о своем теле, утром же этот чиновник вновь возвращается в свой офис, потому что так нужно: «Войдет, поклонится. Займет рабочее место. И положит там свою жизнь за Прохладный Кондиционированный Воздух Родины» [Там же]. Повествователь, описывая эту картину, формирует два оценочных подхода: 1) европейский, скрыто-ироничный, передающий ощущение бесконечного повторения, бега по кругу, когда человек пытается в краткие минуты отдыха уйти от еженедельной рутины; 2) японский, заставляющий понять, что есть две реальности – личное и коллективное пространство, личное наслаждение и общий долг, следование которому рождает у японца чувство удовлетворенности.

Размышляя о Токио, Сорокин понимает и показывает в своем рассказе, какое большое значение в социальной и ментальной жизни этого города имеет субкультура когяру. Дается объяснение значения этого слова: «“Ко” – молодая. “Гяру” – girl. По-русски говоря, старшекласница» [Там же]; подробно описывается, как выглядят девушки данной субкультуры: «...платформы, мини-юбки, нечерные волосы, прически а-ля-девочка-хиппи-68, веки с белыми тенями, огромные накладные ногти с картинками (луна + снежинки + рыбки + звездочки), яркие побрякушки и неизменный мобильник с крохотным покемоном» [Там же]. Повествователь объясняет, по каким причинам, с его точки зрения, образовалось такое движение: возникло оно как «реакция на авторитарную школьную систему, ставящую во главу

угла послушание, чинопочитание и “здоровый» коллективизм” [Там же]. Так Сорокин намекает читателю, какие проблемы существуют в мире Токио: антидемократическое образование, невозможность проявления индивидуальности. Кроме того, подобным образом представляя это движение, автор намекает, что через приобщение к нему человек заявляет о своем праве не только на индивидуальность, но и на свое личное счастье. Однако эти порывы к счастью кажутся повествователю тщетными, а само оно практически недостижимо. Так, упоминается, что кумиром когяру является «насекомopodobная поп-звезда Хамасаки Аюми с глазами *мотылька* и голосом *комарика*» [Там же] (описание того, кто ведет за собой, увлекая к миру счастья, оказывается столь мелким, что все, им предлагаемое, также видится нежизненным); представляет повествователь и ближайшую перспективу когяру: скоро престанут красить волосы, начнут одеваться как все, у них появится муж, о котором нужно будет заботиться, когда он будет возвращаться после корпоративной пьянки.

Ведя размышления о мире Токио, автор уподобляет его айсбергу, истинные масштабы которого сокрыты от взора, с связи с чем понять Токио и его жителей обычному туристу за короткое время невозможно; чтобы «проникнуть в душу» японской столицы [Там же], нужно пожить там, только тогда человек сможет осознать, каким на самом деле является Токио, город, притягивающий к себе, удивляющий, не отпускающий, способный войти во сны. Повествователь говорит о невозможности забыть этот город вне зависимости от места пребывания: «И засыпая зимой на Ленинском проспекте, вы вспомните, как душным июльским вечером выворачивали мокрый карман брюк... чтобы достать ключ от своей маленькой квартирке в Мусасино... А просыпаясь летом в Рузе, почувствуете привкус недолговечного токийского снега на губах» [Там же]. Таким образом, в очерке «Рев Годзиллы и крик Пикачу» Сорокин знакомит нас с деталями быта, социальной жизни Токио, приметам японского национального характера, а также – через введение в повествование множества субъективных оценок, странных сближений – формирует образ реально-мистического города, в котором одновременно ощущаются и присутствие, и неуловимость счастья.

Еще одним произведением данного автора, в котором представлен образ Токио, является «Снеговик». Действие рассказа разворачивается именно в столице Японии. Речь в произведении идет о писателе, который преподает японским студентам русскую литературу (автобиографический факт). И если первое рассмотренное произведение своим названием отсылало нас к японской поп-культуре, то название этого рассказа скорее рождает в сознании читателя образ России. Образ Токио представлен по-иному. Условно объективный подход к изображению города сменяется субъективным. Город в рассказе уже не главный объект изображения; это особый топос, влияющий на специфику мыслей, действий, устремлений персонажа. В поисках себя, счастья, своего места в жизни и в литературе этот герой оказался в японской столице. Но ничего из того, что он искал, им не найдено. Доказательство – его бессонница, состояние, сближающее персонажа сорокинского рассказа с героями русской классики, ведь чаще всего причиной бессонницы является неудовлетворенность.

Переживая очередной раз бессонницу, герой Сорокина становится свидетелем редкого в Японии явления – снегопада. Ощущая себя русским писателем, персонаж Сорокина, живущий в Токио, тем не менее пытается вести себя по-японски: он одевается в черный юката (традиционную японскую одежду), ест палочками сашими из тунца, смотрит японское телевидение, любит токийским снегом. Но, находясь в этом непривычном для себя мире, он начинает утрачивать национальную идентичность; поэтому в его бытовом пространстве оказываются и немецкая кислая капуста, и китайский граненый стакан, и бутылка

«Московской» водки. Вид идущего снега вызывает удивление и радость и пробуждает память о родине, правда, в каком-то искаженно-жестком варианте (как страны «Снега, Водки и Крови») и рождает неожиданное желание – слепить снеговика, таким образом «сохранить эту частичку далекой России – страны Снега» [Сорокин, Снеговик, www].

Образ снеговика очень важен для понимания главной мысли произведения. Интересно, что снеговик сочетает в себе как японские, так и русские черты. Например, с одной стороны, его называют русским именем Вася, он разговаривает с персонажем по-русски, сам писатель говорит, что это «русский снеговик» [Там же]. С другой стороны, на голове у него была японская панاما, он внимал «с мудростью Будды» [Там же], а буддизм является распространенной в Японии религией, также этого снеговика слепили «на японской земле» [Там же], в Токио. Такое сочетание еще раз показывает, насколько сильно герой-писатель тоскует по своей Родине и стремится слепить снеговика, который ассоциировался бы у него с Россией, однако полностью сделать этого не получится, потому что он находится в Токио. Также снеговика не случайно дают имя Вася, которое является традиционным русским. Многие героев русских произведений называли Василием. Например, известны персонажи из былин Василий Казимирович, Василий Иванович. Кроме того, вспоминается заглавный герой поэмы Твардовского Василий Теркин, который является символом русского национального характера. Также имя «Василий» означает «царь». Это соотносится с тем, что снеговик сравнивается с Буддой – духовным учителем и основателем буддизма, который просветляет людей. Сопоставляя снеговика с царем и Буддой, герой словно ставит его выше себя. Возможно, именно по этой причине герой-писатель во время землетрясения обнимает снеговика, думая, что он обладает какой-то силой и способен его спасти, защитить. Еще снеговика можно сравнить с Буддой и на том основании, что он тоже умеет просветлять людей. Так, Будда проповедует дхарму. Суть этого учения заключается в четырех благородных истинах. Во-первых, вся жизнь – это страдание. Во-вторых, источник этого страдания – желания, из-за которых человек находится в сансаре – круговороте рождения и смерти. В-третьих, из сансары можно вырваться, а страдания пресекаются в нирване – состоянии блаженного небытия. В-четвертых, есть восьмеричный путь к устранению страданий [Урбанаева, 2015]. Подобно Будде, снеговик тоже является своеобразным носителем истины. Ведь именно он раскрывает главному герою тайны: «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА УМЕРЛА!» и «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛИТЕРАТУРА!» [Сорокин, Снеговик, www]. После приобщения к этим тайнам, после пережитого ужаса от землетрясения к герою-писателю «сразу пришел сон» [Там же], он избавился от бессонницы, что можно сопоставить со своеобразным просветлением, обретением состояния абсолютного покоя и блаженства, с выходом из круговорота сансары и достижением нирваны. Это еще раз подчеркивает, что снеговика можно сравнить с Буддой. Смысл раскрытых герою тайн заключается в том, что литература находится в процессе глобализации, так как японская, русская, европейская литература, культура и жизнь смешиваются между собой, что показывает также и образ продаваемой в Токио кислой капусты, которая ассоциируется с русской национальной кухней, однако сделана она была в Германии. Из-за этого герой «из русского писателя... стал просто писателем» [Там же].

Сама ситуация, описанная Сорокиным, подчеркивает и абсурдность, и трагичность происходящего. В поисках счастья герой оказывается в Токио, всеми силами хочет вписаться в его мир, культуру, но не находит ни возможности, ни поддержки сделать это; единственное существо, с которым он может поговорить, – снеговик.

В «Снеговике» автор делает акцент не на описании быта Токио или его социальной жизни, а на душевных переживаниях своего героя, которые связаны с тем, что он, находясь в Токио,

скачает по России. Поэтому в данном произведении часто используются слова «русский», «по-русски»: «русский писатель», «Русская Литература», «русский сон», «ругаясь по-русски», «русский снеговик» [Там же]. Не случайно в рассказе противопоставляются Россия и Япония, автор использует традиционную бинарную оппозицию «свой/чужой».

Герой будто не может определить свою национальную принадлежность, его Родина перестает восприниматься своеобразной и уникальной, Россия постепенно отдаляется от него, когда он находится в Токио. Но при этом, при всех его потугах быть похожим на японца, у него это не получается. Поэтому и страдает он от бессонницы, не может осознать происходящее с ним, пока снеговик не произносит слова, раскрывающие для него смысл важнейших процессов, касающихся и культуры, и его самого. Именно слова снеговика и являются главной мыслью рассказа. Не случайно фразы, произнесенные снеговиком, написаны заглавными буквами. Они и о конце, и о начале, и об утрате, и об обретении. Землетрясение в данном рассказе – не просто отражение реалий жизни Токио, оно становится символом душевного переворота главного героя и глобальных изменений в мире и обществе. Испытав страх утраты жизни, герой переживает перерождение, обретая понимание значимости не национального, а общечеловеческого, надмирного для писателя, для человека. Можно сделать вывод о том, что образ Токио в рассказе «Снеговик» представлен как чужой для персонажа город, что заставляет его испытывать ностальгию и вспоминать все то, что ассоциируется с родной страной. Пребывание героя в японской столице помогает ему понять, что он начинает терять свою национальную идентичность. Это показано через образ снеговика.

Несмотря на то, что образ Токио в двух рассказах Сорокина показан по-разному, в изображении города можно найти и общие черты. Так, в этих произведениях столица Японии неразрывно связана с Россией. Ведь автор долгое время находился в эмиграции в Токио и, конечно, не мог не вспоминать про свою Родину.

Заключение

Образ японской столицы в произведениях Сорокина занимает важное место. Это напрямую связано с тем, что он жил в этом городе и преподавал японским студентам русский язык и литературу, что прослеживается и в его рассказах. В художественных текстах автор изображает социальную жизнь, быт и традиции Токио, передает читателю свое восприятие мегаполиса. Определяющим в образе столицы Японии является ее неразрывная связь с Россией, что передается с помощью их сравнения и противопоставления в произведениях писателя.

Библиография

1. Владимир Сорокин: «Японская культура прежде всего учит нас созерцательности». URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/MAGAZINE/MAGAZINE_9/JPN09_04-07_Cover%20story.pdf
2. Груздева М.В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 2. С. 211-222.
3. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: СПбГУ, 2007. 742 с.
4. Петров А.В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т.Е. Абрамзон и Магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII-XIX веков // Libri magistri. 2020. № 3. С. 37-48.
5. Рудакова С.В. Поиск идеального человеческого счастья в идиллическом мире А.А. Дельвига // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2020. С. 258-265.
6. Рудакова С.В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri magistri. 2020. № 3. С. 49-75.
7. Сорокин В. Рев Годзиллы и крик Пикачу. URL: <https://www.srkn.ru/texts/godzilla.shtml>
8. Сорокин В. Снеговик. URL: <https://www.srkn.ru/texts/snegovik.shtml>

9. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 367 с.
10. Урбанаева И.С. Три уровня презентации Буддой учения о Четырех Благодородных Истинах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 218-226.
11. Цуркан В.В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. // Libri magistri. 2020. № 4. С. 119-127.

The image of Tokyo in V. Sorokin's stories *The Roar of Godzilla* and the *Scream of Pikachu* and *The Snowman* (in search of happiness)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology,
Professor at the Department of linguistics and literature studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina ave., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Tat'yana B. Zaitseva

Doctor of Philology,
Associate Professor at the Department of linguistics and literature studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina ave., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: tbz@list.ru

Mariya S. Zhavnerovich

Student,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina ave., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: zhavnerovich2000@mail.ru

Abstract

The research aims to identify the main features of the image of Tokyo in V. Sorokin's stories *The Roar of Godzilla* and *the Scream of Pikachu* and *The Snowman* and to find out whether it is possible to find happiness in this space. The article carries out an analysis of the symbolism of the names of the stories. The authors of the article pay attention to the fact that V. Sorokin connects whimsically the subjective and the objective in the representation of Tokyo. He gives many details of the Japanese way of life, the social life of Tokyo, the hallmarks of the Japanese national character, introducing into the narrative his assessments, contributing to the formation of the real and mystical image of the city, in which one feels both the presence and elusiveness of happiness. The authors come to the conclusion that the story *The Snowman* reveals the Russian writer's life drama and spiritual epiphany in Tokyo, the city that fascinated the hero and forced him to leave his country and get involved in a foreign culture, but on the other hand, gave impetus to self-discovery, opened the way to himself, to happiness, allowed him to understand his national identity and supranational humanity.

For citation

Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Zhavnerovich M.S. (2021) Obraz goroda Tokio v rasskazakh V. Sorokina “Rev Godzilly i krik Pikachu” i “Snegovik” (v poiskakh schast'ya) [The image of Tokyo in V. Sorokin's stories *The Roar of Godzilla and the Scream of Pikachu* and *The Snowman* (in search of happiness)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2021.74.38.015

Keywords

V. Sorokin, *The Roar of Godzilla and the Scream of Pikachu*, *The Snowman*, image of the city, image of Tokyo, search for happiness.

References

1. Gruzdeva M.V. (2016) Vospitanie pozitivnykh kachestv natsional'nogo kharaktera v Yaponii [Developing positive qualities of national character in Japan]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University], 2, pp. 211-222.
2. Mann Yu.V. (2007) *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's creativity: the meaning and the form]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.
3. Petrov A.V. (2020) Fenomenologiya “russkogo schast'ya” v trudakh T.E. Abramzon i Magnitogorskoi filologicheskoi shkoly po izucheniyu russkoi poezii XVIII-XIX vekov [The phenomenology of Russian happiness in the works of T.E. Abramzon and the Magnitogorsk Philological School for the Study of Russian Poetry of the 18th and 19th centuries]. *Libri magistri*, 3, pp. 37-48.
4. Rudakova S.V. (2020) Poisk ideal'nogo chelovecheskogo schast'ya v idilicheskom mire A.A. Del'viga [The search for ideal human happiness in the idyllic world of A.A. Delvig]. In: *Natsional'nye kody v evropeiskoi literature XIX-XXI vv. Literaturnyi kanon v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii* [National codes in the European literature of the 19th-21st centuries. The literary canon in the context of intercultural communication]. Nizhny Novgorod, pp. 258-265.
5. Rudakova S.V., Regeczi I. (2020) K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of happiness]. *Libri magistri*, 3, pp. 49-75.
6. Sorokin V. *Rev Godzilly i krik Pikachu* [The Roar of Godzilla and the Scream of Pikachu]. Available at: <https://www.srkn.ru/texts/godzilla.shtml> [Accessed 09/06/21].
7. Sorokin V. *Snegovik* [The Snowman]. Available at: <https://www.srkn.ru/texts/snegovik.shtml> [Accessed 09/06/21].
8. Tatarkiewicz W. (1981) *O schast'e i sovershenstve cheloveka* [On human happiness and perfection]. Moscow: Progress Publ.
9. Tsurkan V.V. (2020) Mif o schast'e v russkoi literature 1930-kh gg. [The myth of happiness in the Russian literature of the 1930s]. *Libri magistri*, 4, pp. 119-127.
10. Urbanaeva I.S. (2015) Tri urovnya prezentatsii Buddoi ucheniya o Chetyrekh Blagorodnykh Istinakh [Three levels of the Buddha's presentation of the teachings of the Four Noble Truths]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Proceedings of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies], 13, pp. 218-226.
11. Vladimir Sorokin: “Yaponskaya kul'tura prezhdde vsego uchit nas sozertsatel'nosti” [Vladimir Sorokin: "Japanese culture primarily teaches us contemplation"]. Available at: https://www.ru.emb-japan.go.jp/MAGAZINE/MAGAZINE_9/JPN09_04-07_Cover%20story.pdf [Accessed 09/06/21].